

СПОРЫ О НАРОДНОСТИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ 40-х гг. XIX в.

Эпоха 40-х годов XIX в. характеризуется как время серьезных изысканий в общественном и научном изучении русской народности, оживленных дискуссий о путях развития России и бурных споров в литературе и литературной критике. А.Н.Пыпин небезосновательно назвал эти годы в истории русской культуры и русской общественной мысли “поэтическим временем великого перелома” [1].

В условиях николаевского режима споры о будущих судьбах страны принимали форму полемик по отвлеченным вопросам о самобытности русской истории и своеобразии русского национального характера, вылившиеся затем в оживленные дискуссии западников и славянофилов о “народности”, которые значительно активизировали стремления к познанию отечественной истории и народной культуры. “Я с каждым часом чувствую живее, что отличительное существенное свойство варварства – беспамятность, что нет ни высокого дела, ни стройного слова без живого чувства своего достоинства, что чувства собственного достоинства нет без национальной гордости, а национальной гордости без национальной памяти” [2], – писал П.В. Киреевский в одном из своих писем к Н.М.Языкову. Историзм мышления стал отличительной чертой русского общественного сознания 30 – 40-х годов, а проблема народа оказалась жгуче-современной как для историка, так и для деятеля искусства и литературы.

Споры о народности и путях развития России и определили те две линии в развитии русского искусства – славянофильскую и революционно-демократическую, – которые на протяжении всего XIX века составляли своеобразие русской культуры и, по справедливому замечанию современного ученого, продолжили свою традицию в XX столетии вплоть до творчества Солженицына [3].

Сосредоточив внимание на изучении и истолковании специфики национальной ментальности, на глубинных процессах русской народной культуры, славянофилы в своем противостоянии западникам упорно разъясняли и доказывали самобытность отечественной истории, специфики психического склада русского этноса и особенности самосознания русского человека, получившие, как заключает тот же Кондаков, в дальнейшем разные наименования: “русское воззрение” (К.Аксаков), “русский ум” (А.Григорьев), “русский народный дух” (Вл.Соловьев), “русская идея” (Н.Бердяев) [3].

Постоянное обращение к национальным корням, направленность исследовательских усилий обеспечили живучесть и несокрушимость славянофильской доктрине.

Идейные основы славянофильства были заложены в конце 30-х – начале 40-х годов бывшими любомудрами А.С.Хомяковым и И.В.Киреевским. Точное время его возникновения обычно определяется 1839 годом, когда Хомяков опубликовал свое сочинение “О старом и новом”, на которое И.Киреевский откликнулся статьей “В ответ А.С.Хомякову”. В этих работах впервые была изложена славянофильская концепция русской истории. В последующие десятилетия она

получила свое развитие в творчестве и теоретических статьях К.Аксакова, Ю.Самарина. Эти "приснопамятные деятели", как писал К.Бестужев-Рюмин, и явились "первыми носителями настоящего русского сознания" [4].

Все идеологи славянофильства – воспитанники Московского университета, продолжившие дальнейшее обучение в Западной Европе, пережившие сильнейшее влияние немецкой классической философии. Однако отношение к Гегелю и Шеллингу старших славянофилов не было однозначным. Если Хомяков и И.Киреевский сразу же критически отнеслись к идеям Гегеля, то их младшие сподвижники, К.Аксаков и Ю.Самарин, пережили период восторженного гегельянства. Только после встречи с Гегелем в его доме И.Киреевский признал в философе великого мыслителя. Что касается Хомякова, то он не мог простить Гегелю его более, чем прохладное отношение к славянским народам. Вершиной развития человечества у Гегеля выступал германский дух. Славянским же народам отводилась лишь роль созерцателей. Согласно Гегелю, германский мир представлял собой высшее выражение мирового духа, которое воплотило в себе всемирно-историческую идею, и никакой другой народ не способен внести в мировую сокровищницу ничего более важного и достойного.

Подобный взгляд на мировой процесс, безусловно, славянофилов удовлетворить не мог. Но им импонировала гегелевская идея единства и преемственности мировой истории. "Глубоко славянофильская мысль о будущем высоком предназначении России в истории человечества, – справедливо пишет Н.Цимбаев, – строго логически вытекает из гегелевской схемы развития мировой цивилизации" [3]. Как отмечает С.Н.Пушкин, "гегелевская философия истории интересовала славянофилов не столько "буквой", сколько "духом" своего учения, позволяющим им создать собственную историософскую концепцию" [6].

Не меньшее влияние, чем Гегель, оказал на славянофилов Шеллинг. Слушая лекции Шеллинга в Мюнхене, беседуя с ним, И. Киреевский восхищался его системой. Славянофилов особенно привлекали историософские взгляды Шеллинга, которые помогали им выделить проблемы развития национальных начал в духовной жизни разных народов и видеть их различия.

Трудно понять славянофильскую концепцию развития искусства, в том числе и литературы, не уяснив их отношения к государству и церкви. Рассматривая государство как "внешнее выражение народного творчества", оберегающее человека от всякого внешнего насилия и от всякого внутреннего временного потрясения" [7], размышляя по вопросу отношения государства и церкви, славянофилы отдавали предпочтение духовной власти: церковь выше, значительнее государства. Государство – союз политический, церковь – союз нравственный. Что касается христианского общества, то под ним они понимали общину, где, по их представлениям, только и возможно осуществление принципов христианской любви. Идеализация общины, преувеличение ее значения в нравственном совершенствовании жизни человеческого общества определялась тем, что строй ее жизни соответствовал строю церковному. В общине, утверждали они, заложены не столько социальные, сколько духовные идеалы; в ней отсутствуют собственнические интересы и эгоизм. Только в общине, был убежден Хомяков, человек православного вероисповедания с детства приучается к идее, что он должен жить и действовать, даже мыслить и чувствовать в согласии с миром, с соборной мыслью, с соборной совестью" [8]. Поэтому славянофилы придавали особое значение *соборности*. Давая характеристику слову *соборный*, А.Хомяков подчеркивал, что оно "выражает идею собрания не только в смысле проявленного, видимого соединения многих в каком-либо месте, но в более общем смысле всегдашней

возможности такого соединения, иными словами: выражает идею единства во множестве” [7, с. 12].

Все эти идейные устремления славянофилов, близкие к народным воззрениям, отразились в общественных спорах, литературной критике, в их художественном творчестве.

Называвшееся на протяжении десятилетий альтернативой славянофильству западничество не получило в общественном сознании серьезной поддержки. Ориентируясь на европейскую культуру, западники не приняли во внимание ее важнейшее достоинство – народность, – то, что для любого европейского народа прогресс предполагал утверждение собственной культуры, а не отказ от нее, и то, что она была продуктом естественного развития самого общества. “Национальная неукоренность, социальная маргинальность, политическая и культурная безответственность, разрыв с демократическими настроениями, половинчатость, промежуточность и “стертость” всех идей, образов, представлений, – пишет И.В. Кондаков, – все эти черты западничества обусловили его духовное крушение и подтолкнули интерес русской интеллигенции к более радикальным и более связанным с особенностями отечественной действительности идеям социализма” [3, с. 9].

Раскрывая сущность споров между западниками и славянофилами, П.В. Анненков, один из их самых активных участников, писал, что разногласия между ними возникали из-за “разного понимания роли русского народа в истории... Славянофильская партия не хотела да и не могла удовольствоваться уступками своих врагов – пониманием народа, например, как одного из многочисленных агентов, слагавших нашу историю, – а еще менее могла удовольствоваться признанием за народом некоторых симпатических, нравственно-привлекательных сторон характера, на что охотно соглашались ее возражатели. Она требовала для народа кое-чего большего. Она требовала именно утверждения за ним громадной политической, творческой и моральной репутации, великой организаторской силы, обнаружившейся в создании московского государства и в открытии таких общественных, семейных и религиозных идеалов существования, каким ничего равносильного не могут противопоставить наши позднейшие и новые порядки.

На этом основании и не заботясь об исторических фактах <...> она принялась по частям за лепку колоссального образа русского народа с целью создать из него тип, достойный поклонения” [9].

Занявшая “центристскую” позицию партия Белинского, представлявшая собой левое крыло западников, критикуя любование славянофилов патриархальной стариной, их стремление отождествлять “народность” с отжившими обычаями и предрассудками, резко осуждала и либеральных западников за их космополитизм.

“Одни, – писал Белинский, – бросились в фантастическую народность, другие в фантастический космополитизм во имя человечества” [10]. Критик осуждает либералов за их отождествление с “народностью” всего отжившего “неподвижного”, “грубого” и “ограниченного”, наблюдаемого в народном быте и противопоставляемого ими всему общечеловеческому. Утверждая, что в бытующих обычаях и предрассудках так или иначе отражается “народность”, он стремился убедить современников, что разделить “народное и человеческое на два совершенно чуждые, даже враждебные одно другому начала – значит впасть в самый абстрактный и самый книжный дуализм” [10].

Критик неоднократно подчеркивал, что “только та литература подлинно народная, которая в то же время есть и общечеловеческая, и только та литература человеческая, которая в то же время есть и народная” [10, V, с. 306].

Небывалое обострение интереса к жизни народа выдвинуло в русской литературе и литературной критике 40-х годов проблему народности на передний план.

Народность “стала альфой и омегой”, “пробным камнем достоинства всякого поэтического произведения и прочности всякой поэтической славы” [10, V, с. 289].

Во многом разделявший взгляды славянофилов В.И. Даль, говоря о тенденциях современного литературного развития, стилизуясь под народную речь, отмечал в 1842 г.: “...нашла теперь полоса, где все писатели так или иначе, стремятся посильно к народности. Общее темное влечение это, направление настоящей години, высказывается то так, то иначе, иногда неудачно, сбивается туда-сюда, ну что нужды? Оно видимое и невольно обладает пишущею братиею и читающим сонмищем, и что-нибудь да из этого выйдет” [11].

Стремление к созданию национальной идеологии, основанной на целом комплексе философских представлений, определяло не только специфику литературы, но и направление отечественной науки-истории, этнографии, фольклористики, языка. Перед русскими учеными и писателями стояла важнейшая задача: раскрыть самобытность народа, проявлявшуюся в образе его мыслей, языке и обычаях. “Что человек без личности, то народ без национальности, – писал Белинский в 40-е годы. – Это доказывается тем, что все нации, игравшие и играющие первую роль в истории человечества, отличались и отличаются наиболее резкою национальностью” [10, X, с. 29].

Как славянофилы, так и западники, важнейшей для себя задачей считали противостоять народности официальной. Перед теми и другими стояла проблема выбора пути, по которому должно было пойти художественное развитие народа, его самоутверждение в системе мировой культуры.

Важность идеи народности как проблемы политической признавали и в правительственных кругах. Знаменитая формула Н.И.Надеждина “самодержавие, православие, народность”, подхваченная в 30-е годы министром просвещения Уваровым, отчетливо выражала официальную точку зрения и на назначение русской литературы. Обязательность уваровской программы долгое время препятствовала выражению взглядов передовых представителей русской общественной мысли, оказывала давление как на литературу, так и на сферу науки.

Определяющим критерием народности литературы Белинский в 40-е годы выдвинул социальность. “Социальность, социальность или смерть! Вот мой девиз” [10, XII, с. 69] – провозгласил он в письме к Боткину.

В 40-е годы, когда остро встал вопрос о необходимости создания самобытной, подлинно народной литературы, “национальное”, мыслившееся еще в системе гегелевской философии, оказавшей огромное влияние на формирование как западников, так и славянофилов, представлялось как “особенное” в сравнении с общечеловеческим. Это “особенное” и оказалось в центре споров представителей разных идейных течений. Если в 30-е годы Белинский народность литературы видел в верности изображения этого “особенного”, которое улавливал во всесторонности, правдивости раскрытия национального быта, русского национального характера и этнических черт народа, то в 40-е годы главное в определении степени народности художественного произведения критик видел в социальности его содержания. В новую эпоху он приходит к четкому разграничению понятий народности и национальности, народа и нации. В понимании Белинского, “народ” – это наиболее многочисленная, трудовая часть нации, нация же рассматривалась им как совокупность всех сословий. Объединяющей эти понятия основой критик считал “субстанцию народа”, имеющую природное этническое начало, зависящее от географических, климатических условий и исторических обстоятельств [10, V, с. 121-127].

В то же время Белинский считал, что подлинно национальное в искусстве не только не противоречит “народному”, но наиболее полно выражает его.

Степень выражання нацыянальных начал русскай жыццёвай культуры і іх сацыяльнай абумоўленасці і поўнота раскрыцця самабытных чэрт нацыянальнага характэра сталі мерілом народнасці дэмакратычнай русскай літаратуры 40-х гадоў XIX стагоддзя.

Наблюдая за становленнем русскай літаратуры і даваў ацэнку творчасці пісатэляў фарміраванайся “натуральнай школы”, Белінскі ўжо ў пачатку 40-х гадоў адзначаў у ёй далейшае развіццё гоголевскіх сатырычных традыцый. Прывітаваў новае напраўленне ў русскай мастацкай словеснасці, адпавядаючае яго паняццям аб народнасці мастацтва, ён пісаў у 1841 г.: “Гоголь унёс у нашу літаратуру новыя элементы, породзіў мноства падражатэляў, наваў грамадства на новае созерцанне романа, якім ён павінен быць; з Гоголя пачынаецца новы перыяд русскай літаратуры” [10, V, с. 565].

Савершэнна іной кропка згляду на характэр літаратуры будучага прытрымлівалі славянофілы, хоць іх асобныя заслугі прызнаны былі даўна і прадстаўляліся ліберальна-западнасцю. У адным з пісем к П.В. Анненкаву В.П. Боткін адзначаў: “Славянофілы выгаворылі адно істіннае слова: “народнасць, нацыянальнасць”. У гэтым іх вялікая заслуга” [12]. Роль славянофілаў у пастаўцы пытання аб народнасці на заре новай эпохі прызнаецца і сучаснымі вучонымі. Правда, да апошняга часу ў гісторыках і літаратураведах не было аднаго мерэння аб славянофілстве як ідэалагічным руху. Быў час, калі адны вучоныя глядзелі на славянофілаў як на “нацыяналістычна настроенную частку русскай буржуазіі” [13], другія характэрызавалі іх як разнавіднасць рэакцыяна-нацыяналістычнага романтизму [14]. У больш позніх працах аб славянофілах груба ўтрымліваліся іх адмоўныя адносіны да еўрапейскай цывілізацыі і прысваеннасць да ўсяму рускаму ўплоть да ўтвэрджэння, будзь іх прызывалі вярнуцца да парадакаў, нраваў і звычаяў даяпетровскай Русі [15]. Пажаў, больш аб’ектыўнай прадстаўляецца кропка згляду В.А. Кошалева, ўтвэрджальнага, што славянофільская ідэалізацыя русскай стараіны ўзнікла “ужа як адхіленне ад замысла ў прапаганда, як падтрымка ўнутранага палемічнага напраўлення” [16].

Не адмоўляючы станоўчага ўздзеяння на рускую нацыянальную жыццёвую культуру Запада, “ёго стагодкавага вопытнасці” ў мінулым, славянофілы лічылі пагубнымі для русскай самабытнасці гэтыя ўплывы ў наш час, калі, па іх мерэнню, руская нацыянальная стихія стала заглушацца чужароднымі напластаваннямі. “Мы многаму навучыліся ў Запада, – лічылі яны, – але не павінен забываць таго, што ўрокі настаўніка тады толькі дастыгнуты свайго прызначэння, калі яны пробудзілі ў вучаніка яго асобныя сілы і ён сумеў асноваць на іх самастойную жыццёвую і свядомую мысленнасць” [17]. Па мерэнню К.Аксава, “Запад разам з агульчалавечым прынес да нас свае агульчалавечыя, а асобныя нацыянальныя з’яўленні”, што “сваё нацыянальнае ён выдаў за агульчалавечыя”. Высока цэня агульчалавечыя ў жыцці і мастацтве, К.Аксаў у тым жа часе падкрэўваў, што толькі пры прызнанні за аснову асноў русскай самабытнасці магчыма прыняццё агульчалавечыя, таго, што “не адмоўляе руская прырода” [18].

Будзь іх цвёрда ўпэўнены ў тым, што “запаўны свет забівае ў нас нашу асобную самастойнасць” і што яго ўплывы пагубна сказываюцца на рускую культуру, славянофілы выражалі сур’ёзныя сумненні ў магчымасці існавання на даным этапе гістарычнага развіцця сапраўднага народнага адчуждзенага мастацтва. “Для таго, каб маглі існаваць паміж намі такія мастацтва, адзыхаючыя на ўсе родныя гукі русскай душы, – лічылі яны, – якое б вярнулася перад намі бледныя тэны нашага мінулага і вызвала да жыцця ўсё, што досыць для нас мёртва і немое, трэба, каб з дзяцінства мысленнасць наша і прадстаўленне аб нашым мінулым аблекаўся ў вызначаныя і жывыя абразы русскай жыцця” [19].

Настойчиво разрабатывая проблему народности, славянофилы по-разному пытались осмыслить ее как в историческом, так и в философском плане. К.Аксаков одним из существенных условий утверждения народности в русской литературе признавал простонародность. “Лучшим человеком в русской земле” он провозгласил крестьянина, который, по его представлению, “один хранит свой древний, существенный и внутренний, и внешний образ, является носителем “настоящей Руси”.

Ключ к уяснению русского национального характера, полагал К.Аксаков, дает история: оглядываясь в прошлое, человек учится понимать настоящее. “Само собой разумеется, что прямой возврат к прошлому невозможен, – пишет он. – Дело гораздо сложнее и вместе с тем проще: оно не прошло, но находится “подле нас”. Прошедшая Русь не ушла из жизни безвозвратно, но сохранилась в простом народе. Поэтому не возвращение к тому, что перестало жить, но обращение к тому, что живет теперь, т.е. к тому же настоящему, “лишенному места в нашей общественной жизни” [18, 22].

В народе славянофилы превыше всего ценили консервативные начала и даже в противопоставление России Западу временами вкладывали определенный политический смысл. В одном из писем к профессору А.Н.Попову К.Аксаков писал: “Фрак может быть революционным, а зипун никогда. Верная порука тишины и спокойствия – наша народность” [21]. Этими представлениями во многом определялось и их понимание народности русской литературы: подлинно народная литература должна отражать жизнь простого народа, который один является носителем национальной памяти.

Назначение литературы, по мнению славянофилов, состояло в том, чтобы воспитывать в образованном обществе чувство любви и уважения к простому народу. “Мы должны узнать народ, – писал Ю.Самарин, – а чтоб узнать и прежде чем узнать, мы должны любить его” [22].

Понятно, что такой подход к изображению народа в литературе исключал возможность положительного отношения славянофилов к “натуральной школе”, представители которой, как они утверждали, создавали “народные характеры из грязи, лохмотьев, квасу, щей и кулаков русского человека”. По их представлениям, “натуральная школа” могла бы способствовать оздоровлению русского общественного быта своими разоблачениями господствующего класса. “...народ безмолвен, народ не знает, что про него пишут; народ не сам себя судит, судят о нем другие, и поэтому нам кажется, что можно бы и не чернить его заочно” [22, с. 202].

В 50-е годы славянофилы прилагали все усилия к тому, чтобы создать в литературе так называемое крестьянское направление, начало которому, по их представлениям, уже было положено творчеством Д.В.Григоровича, А.Ф.Писемского, А.А.Потехина и др., где дано правдивое изображение народного быта и выражено сочувственное отношение к крестьянину. Критики славянофильской “Русской беседы” поддерживали и поощряли это направление. Свои взгляды на литературу славянофилы пропагандировали и собственным творчеством. Особенно они проявили себя в драматургии и в поэзии. (“Князь Луковицкий, или приезд в деревню”, “Зимняя дорога” К.Аксакова, стихи Н.Языкова, поэма И.Аксакова “Бродяга” и др.) Англoman князь Луковицкий, приехав в свою деревню, чувствует себя иностранцем. Он не знает русского народа, народных нравов и православных обычаев, отчего то и дело попадает впросак. Народный мир, община, представленная К.Аксаковым как единый цельный организм, преподносит князю хороший урок, и он уезжает из деревни просветленный, довольный тем, что узнал благородное сердце русского мужика (“Князь Луковицкий, или приезд в деревню”).

Идеализация общины и русского крестьянина проходит красной нитью через всю славянофильскую литературу.

Следует отметить, что начинания славянофилов имели и серьезное положительное значение. Они способствовали пробуждению в обществе интереса к жизни простого народа России, изучению и художественному освоению этой практически в то время мало знакомой литературе стороны русской действительности. “Явление славянофильства, – писал в 1847 г. Белинский, – есть факт замечательный до известной степени, как протест против безусловной подражательности и как свидетельство потребности русского общества в самостоятельном развитии” [10, X, с. 264]. Импонировало Белинскому и стремление славянофилов к научному исследованию русской народности, их попытки в прозе повседневных будней искать материал для творчества.

Но критик категорически выступал против усилий славянофилов представить мужика перлом создания, сделал его главным положительным героем литературы, боролся против их стремлений подменить общеэстетический вопрос об отношении искусства к действительности вопросом об отношении искусства к жизни русского крестьянина. “Не должно забывать, – писал он, – что герой искусства и литературы есть человек, а не барин, еще менее мужик. Если Шекспир дал место в своих драмах всем людям без разбора – он делал это потому, что видел в них людей, а отнюдь не по пристрастию к черни. Предпочитать мужиков потому только, что они мужики, что они грубы, неопрятны, невежественны <...> странное и смешное заблуждение” [10, V, с. 303].

В этом вопросе мнение Белинского совпадало с мнением либеральных западников, хотя критик никогда не разделял их стремлений противопоставить идею народности идею художественности литературы, перед которой, как они утверждали, “все другие требования <...> кажутся <...> требованиями второстепенными” [23]. Народность, по убеждению, например, Анненкова, – элемент в литературе второстепенный: “Отдельно, без определяющей ее формы, народность искусству не принадлежит, а принадлежит этнографии” [23, с. 715].

При всем различии понимания исторических судеб русского народа и путей развития русской культуры славянофилы и западники представляли собой лучшие силы отечественной интеллигенции. Как западники, ориентировавшие Россию на западноевропейский путь развития, так и славянофилы, отстаивавшие самобытность русской истории, были противниками крепостничества, выступали за установление свободы личности, свободы слова и печати. Как те, так и другие, были охвачены одним чувством – чувством безграничной любви к своей стране. В поисках наиболее оптимальных путей развития России и ее культуры они разошлись. Но цель у них была одна. Об этом очень хорошо сказал Герцен, сравнивая их с Янусом или двуглавым орлом, которые “смотрели в разные стороны в то время как сердце билось одно” [24].

ЛИТЕРАТУРА

1. **Пыпин А.Н.** История русской этнографии. – СПб., 1891. – Т. I. – С. 1.
2. **Письма П.В. Киреевского к Н.М. Языкову.** – М.–Л., 1935. – С. 43.
3. **Кондаков И.В.** Контрапункт: две линии в развитии русской литературы // Русская литература. – 1991. – № 3. – С. 3.
4. **Бестужев-Рюмин К.** Теория культурно-исторических типов // Русский вестник. – 1888. – № 5. – С. 215.
5. **Цимбаев Н.И.** Славянофильство (Из истории русской общественной мысли XIX века). – М., 1986. – С. 97.
6. **Пушкин Н.С.** Историсофия русского консерватизма. – Новгород, 1998. – С. 18.
7. **Хомяков А.С.** Полн. собр. соч. – М., 1900. – Т. II.
8. **Владимиров Л.Е.** Алексей Степанович Хомяков и его этико-социальное учение. – М., 1904. – С. 174.

9. **Анненков П.В.** Литературные воспоминания. – Л., 1928. – С. 460-461.
10. **Белинский В.Г.** Полн.собр.соч. – М., 1953.
11. **Даль В.И.** Полтора слова о нынешнем русском языке // Москвитянин. – 1842. – № 2. – С. 534.
12. Западники и славянофилы 40-х годов / Сост. **Ф. Немидов.** – М., 1910. – С. 260.
13. **Державин Н.** Герцен и славянофилы // Историк-марксист. – 1939. – № 1. – С. 125.
14. **Дементьев А.Г.** Очерки по истории русской журналистики 1840 – 1850-х годов. – М., 1951. – С. 355.
15. История русской литературы XIX века / Под ред. **Ф.И. Головенченко и С.М. Петрова.** – М., 1963. – Т. I. – С. 517-518.
16. **Кошелев В.А.** Эстетические и литературные воззрения славянофилов в 1840 – 1850-е годы. – Л., 1984. – С. 9.
17. Сборник исторических и статистических сведений о России и народах ей единоверных и единописьменных. – М., 1845. – С. 3.
18. **Аксаков К.С.** Несколько слов о нашем правописании // Московский литературный и ученый сборник. – М., 1846. – С. 324.
19. **Хомяков А.С.** Русские народные песни // Московский литературный и ученый сборник. – М., 1852. – С. 320.
20. "Русь". – 1883. – № 7. – С. 22. Написанная в 1877 г. статья по цензурным причинам в свое время не была опубликована.
21. Цитируемая по книге В.И. Кулешова "Славянофилы и русская литература". – М., 1976. – С. 271.
22. Москвитянин. – 1847. – № 2. – С. 203.
23. **Анненков П.В.** О значении художественных произведений для общества // Русский вестник. – 1856. – № 2. – С. 706.
24. **Герцен А.И.** Полн.собр.соч.: В 30-ти т. – М., 1959. – Т. XV. – С. 10.

SUMMARY

Disputes between Westerners and Slavophiles about the ways of the development of Russian literature and the nature of its national character that took place in the 40-es of the XIX century are described in the article. Efficiency and availability of their beginnings for the future development of native culture is also defined.